

М. А. РОЖНОВА, В. Е. РОЖНОВ

ПРАВДА
О
«ЧУДЕСНЫХ»
ИСЦЕЛЕНИЯХ

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ МЕДИЦИНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

проф. В. Е. РОЖНОВ, М. А. РОЖНОВА

**ПРАВДА
О
«ЧУДЕСНЫХ»
ИСЦЕЛЕНИЯХ**

Издательство «Медицина»
Москва — 1968

М. А. Рожнова, В. Е. Рожнов.
61(09) Правда о «чудесных» исцелениях. М. Изд-
Р635 во «Медицина», 1968, 3,0. а. л.

В предлагаемой вниманию читателей брошюре рассказывается о том, как шука и, в частности, достижения в области изучения гипноза развенчивают религиозные мифы и предрассудки о «чудесных» исцелениях.
Издание рассчитано на массового читателя.

На протяжении многих веков истории человечества появлялись и множились легенды о врачующей силе богов, о чудесных камнях и источниках, о волшебниках и «свя-тых», целительных пещерах, «чудотворных» иконах и «чудодеях», снимающих болезнь прикосновением руки или словом. Нередко с этими целями применяли прямой обман: устраивали мнимые исцеления, продуманные и подготовленные заранее, часто распространяли лишние всякого правдоподобия слухи о никогда не имевших места исцелениях и даже о «воскрешениях» из мертвых.

Однако основанный на вере в сверхъестественное миф о «чудесных исцелениях» не мог бы иметь такого длительного, пережившего тысячелетия существования, не мог бы вновь и вновь (вплоть до наших дней) вытаскиваться на свет и пускаться в ход, если бы среди этой массы лишённых достоверной основы случаев поразительных и как будто совершенно непостижимых исцелений не было фактов реальных избавлений определенных категорий больных от своих недугов.

Подвергнутые беспристрастному научному анализу, эти так называемые чудесные исцеления оказались имеющими вполне земное, естественное происхождение. Например, при исследовании некоторых источников оказалось, что в состав их воды входили минеральные соли, обладающие лечебными свойствами. Понятно, что те больные, которым действие этих солей полезно, могли излечиться или получить облегчение.

Особенно большое впечатление производили те, правда, редкие случаи избавления отдельных больных от недугов, когда излечение, совершенное с помощью искусно примененных специальных приемов, происходило быстро, иногда прямо на глазах присутствующих. И, действительно, не чудом ли должны были казаться факты, когда вдруг во время торжественного молебствия в храме больной человек бросал костыли и шел, или по повелению «чудотворца» — «Говори!» — возвращался дар речи к немому, или, приложившись к прославленной «чудотворной» иконе, прозревал слепой!

История научного объяснения истинных причин таких внешне чудесных фактов тесно связана с раскрытием природы гипноза и внушения. Рассмотрение приемов, приводивших к случаям действительного излечения определенных категорий больных и выдававшихся за «чудесные исцеления», показало, что большая часть их должна быть отнесена к

способам вызывания гипнотического состояния и проведения внушения в гипнозе, а также к случаям внушения наяву.

Но гипноз и внушение как явления, тесно связанные с деятельностью человеческого мозга, не могли быть поняты до тех пор, пока не был найден способ изучения деятельности мозга. В силу своей исключительной сложности работа мозга вплоть до начала настоящего века была недоступна для научного понимания.

Открытие основных законов, управляющих деятельностью мозга, объяснило многие вопросы, столетиями остававшиеся под густым покровом тайны. Изучение физиологической природы сна, сновидений, гипноза, внушения и др. и научное объяснение этих явлений развеяли мистические вымыслы о чудесном происхождении исцелений, действительную основу которых составляли гипноз и внушение в этом состоянии, а также случаи внушения наяву.

Получив научное обоснование, гипноз и внушение из невольных пособников религии и мистицизма, в незавидной роли которых оставались они столь долгое время, превратились в мощное оружие медицины в борьбе со многими заболеваниями человека.

Миф о „чудесных“ исцелениях Все формы мистики, идет ли речь об официально признанных религиях (христианство, буддизм, мусульманство и др.), о сектантских вероучениях (таких, например, как меннониты, пятидесятники или евангелисты в христианстве, ваххабиты или бабиты в мусульманстве и т. п.) или о таких ее бесчисленных разновидностях, как астрология, хиромантия, месмеризм, спиритизм, теософия и др., основаны на вере в существование сверхъестественных, потусторонних сил или существ (духов, душ, богов, нематериальных «флюидов», «астеральных тел» и т. п.). Согласно мистическим представлениям, эти силы и существа стоят над природой, не подчиняются ее законам, но зато сами всемогущи и всевластны. В любой момент они могут вмешаться в естественный ход событий и изменить его по своему произволу.

Данные науки говорят о том, что вера в сверхъестественное появилась в человечестве впервые около 100 тысяч лет назад. Возраст человечества исчисляется примерно в миллион лет. Отсюда легко заключить, что многие сотни тысячелетий никаких представлений о потусторонних силах у

людей не существовало. С появлением первых понятий о таинственных внеприродных силах — «духах», «душах» и т. п. их сразу же стали различать по тому, чего можно от них ожидать. Так родились «духи» злые и добрые, приносящие удачу и насылающие мор, «духи» мстительные и жадные и «духи» милостивые и щедрые.

Одно из первых объяснений физических страданий и болезни люди нашли в кознях злых «духов». Некоторые народы стали считать болезнь нападением злого, враждебного духа на законного владельца тела человека — душу. Другие полагали, что болезнь возникает, когда жадный, прожорливый дух начинает грызть тело человека, воспользовавшись временным отсутствием его души. Тогда решили, что для избавления от болезни нужно применять те средства, которые могут силой принудить непрошенного захватчика уйти, оставить терзаемую им жертву. Из этого представления исходили многие мистические обряды, применявшиеся с целью избавления больного от недуга.

Еще задолго до появления религиозных верований люди в течение многих тысячелетий своего существования успели накопить массу сведений о лечебных снадобьях и способах помощи человеку при ранениях и заболеваниях, о правилах питания при тех или иных болезнях. Им были известны такие лечебные приемы, как массаж, вправление вывихов, удаление инородных тел из ран и т. п. С появлением веры в существование сверхъестественных сил люди стали придавать этим вполне реальным, рожденным наблюдением и опытом способам борьбы с болезнью ложное, мистическое толкование. Лечебное снадобье действует якобы потому, что духи, заключенные в нем, сильнее духов — виновников болезни, или потому, что колдун или маг, исполняющий роль врача, придавал снадобью чудодейственную силу своими заклинаниями. Какой бы прием ни применял колдун, знахарь или маг, какое бы ни давал он больному зелье, его действия окружаются мистической загадочностью. Все делается для того, чтобы подчеркнуть — здесь совершается нечто необыкновенное, маг приоткрывает завесу иного мира, вступая в общение с его всевластными обитателями. Подобные представления сохранились и до сих пор у некоторых первобытных народов. Так, люди племени аэта (Филиппинские острова) убеждены, что целебное действие могут оказывать лишь те травы, которые дал колдун, произнесший над ними заклинание. Его слова напутствуют духов травы на борьбу с духами болезни. Колдун мальгашей (народность,

живущая на острове Мадагаскар) лечит болезни, старательно перечисляя всех возможных их виновников — духов над каким-либо предметом или вещью, принадлежащей больному. Эта вещь получает наименование «фадитры»; ей поручается взять себе навсегда «злокозненных духов», затем ее выбрасывают, и тем самым болезнь считается побежденной¹.

Шамаиы и колдуны считаются «избранныками» духов, помогающих им в чародействе.

У многих народов самой действенной лечебной мерой считается обряд «изгнания духов». У некоторых прежде отсталых народностей Сибири, Аляски и Кольского полуострова (чукчей, гилияков, орочей, лопарей и др.) этот обряд исполнялся шаманами и назывался «камлаиие». Одетый в обрядовую одежду, обильно увешанный амулетами и талисманами шаман в присутствии больного и его близких громко, многократно и настойчиво звал духов. Это было то жалобно просительное, то грозное, устрашающее не то пение, не то завывание, сопровождаемое непрерывным ритмичным грохотом бубна. Многие шаманы исполняли при этом своеобразную пляску. По ходу обряда призывы к добрым «духам» — помощникам и угрозы злым «духам» — виновникам болезни звучали все громче, чаще и оглушительнее гремел бубен, стремительнее становилась пляска. Шамаиы одурманивали себя дымом курений, содержащих в своем составе наркотики. Многие из них приступали к камлаиию, выпив предварительно стакаи водки или выкурив трубку крепчайшего табаку. Дойдя до состояния умоисступления, шаман хватал голыми руками раскаленный уголь из пламени очага, наносил себе удары ножом, не чувствуя боли. К концу камлаиия не только он сам, но и другие присутствующие бывали оглушены, одурманены и взволнованы происходящим настолько, что и им начинало казаться, что они видят и слышат «духов», явившихся по призыву шамана. Постепенно его речь становилась совершенно бессвязной, глаза начинали дико блуждать, он часто спотыкался и, наконец, в полном изнеможении падал на землю, сраженный глубоким сном².

С иеусыпным вниманием и надеждой следил за происходящим больнои. Мало-помалу все окружающее, кроме звуков голоса исполнителя обряда, переставало достигать его сознания. Он впадал в странное забытие: все исчезало, ио

¹ Э. Тейлор. Первобытная культура. М., 1939, стр. 364.

² В. Г. Богораз-Тан. Чукчи, Ч. II. Л., 1939.

каждое слово шамана воспринималось чутко и остро, оставляло глубокий след в полусонном разуме. Выкрики шамана о поражении «духов зла», преследуемых «добрыми духами-помощниками»; звучали для больного желанной вестью о выздоровлении, и, ободренный, он преисполнялся уверенностью в своих силах. Иногда к концу обряда у некоторых больных действительно наступало улучшение.

От многочисленных неудач, когда обряд не достигал цели, люди досадливо отмахивались, приписывали их вымышленным причинам. Зато редкие случаи удачи рождали новый энтузиазм веры в «чудодейственную» процедуру, в могущество шаманов. Восхваляя шаманов, эти случаи раздували, и это понятно — ведь они радовали не только избавленного от недуга и его близких, но и всех тех, кто видел в этой удаче надежду и самому в тяжкий час беды обрести спасение у шамана, которому столь явно покровительствуют «вышние существа».

Много общего с камланием имеют и магические врачевальные обряды, распространенные (кое-где и до сих пор) у остальных племен Австралии, Африки и Южной Америки. Повсюду неременную составную часть обряда образуют ритмические танцы, бой своеобразных барабанов, стук палок или звуки дудок, монотонное пение. У многих народностей в процедуру включен и прием наркотических средств. У индейцев гуарани, живущих в Парагвае, танцы, цель которых добиться общения с «божеством», достигают высокой степени совершенства. Г. Бальдус, длительно изучавший нравы и быт этих народов, пишет: «Во время танца они как бы прячут над самими собой. Они забывают об окружающем мире ради другого мира, воображаемого. По крайней мере таково было мое впечатление». У живущей на юге Африки народности басуто сохранилась особая женская профессия — целительниц одержимости злыми «духами» (так здесь именуют все нервно-психические заболевания). Эти специалистки объединены в сообщества посвященных в тайны подобного врачевания. Впрочем, самое главное средство «лечения» доступно взорам всех желающих видеть: больной исполняет священную пляску, пока не свалится от усталости, его осторожно поднимают и быстро, пока он не очнулся, окунают в реку. Расчет на то, что «духи», напуганные неприятной неожиданностью, обратятся в бегство.

Веру в возможность «чудесным», сверхъестественным путем избавиться от болезни стали особенно усиленно разжигать священнослужители более поздних религий, религий

классового общества. Они увидели в ней выгодное средство для укрепления авторитета своей собственной касты, представляющей здесь, на земле, правителей небесных — богов, и для возвеличения могущества земных властителей — фараонов, царей, императоров. Жрецы Древнего Египта окружали строжайшим запретом для непосвященных все заимствованные ими из народной медицины знания о лечебных приемах и снадобьях. Суровая кара была уготована каждому дерзнувшему проникнуть в секреты жрецов. Они придали всякому врачеванию форму таинственного, мистического обряда, в котором невозможно было отличить, что является собой подлинно лечебное средство, а что — чисто декоративное, маскирующее. Ореол сверхъестественности окружал все приемы жрецов и магов: составные части припарок, прикладываемых к больному месту, имеют якобы божественное происхождение, а повязка, накладываемая на рану, — это узел, которым бог связал своего брата; слова же, которые произносит жрец, чтобы спасти больного, — это слова, которые произносят боги для собственного спасения. В одном из древнейших источников о способах врачевания в Египте — папирусе Эберса (названного так по имени египтолога, нашедшего и описавшего его), относящемся к XVI веку до нашей эры, настойчиво повторяется мысль о том, что принятие каждого лечебного средства следует сопровождать заклинаниями — обращениями к духам и богам. Характерно уже его начало:

«Слова, которые следует произносить четко и повторять часто, как только возможно, прикладывая лекарство к больным членам для того чтобы уничтожить поразившие их страдания; Изис, освободившая Озириса, избавившая Гора от злонамеренных деяний его брата Сета, убившего своего отца Озириса, о, Изис, великая богиня заклинаний! Освободи и меня от всего злого, от боли и злоумышленных действий, освободи меня от бога и богинь страдания, от смерти, от того, что проникло в меня...»¹.

Имеется немало данных, говорящих о том, что в храмах жрецы широко использовали в качестве средства излечения больных сон. Так, древнегреческий историк Диодор Сикулус пишет: «Египтяне верили, что Изис нашла много лекарственных средств и очень опытна в искусстве врачевания. И теперь, даже когда она стала бессмертной, наибольшая радость для нее делать людей здоровыми. Молящим об этом

¹ N. Riad. La médecine au temps des pharaons. Paris, 1955.

она открывает лечебные средства во сне, ясно показывая нуждающимся свою волю. Доказательством этого для них служат не мифы, как у греков, а факты, лежащие перед глазами... Многие больные, от которых врачи отказались бы как от неизлечимых, были спасены Изис и многие потерявшие зрение или возможность пользования другими чувствами и членами снова полностью получали то, что потеряли, когда прибегали к этой богине».

Древние греки обращались с мольбой о ниспослании здоровья и сил к богу-врачевателю Асклепию. Самый известный из посвященных ему храмов находился в 8 километрах от города Эпидавра. В храме имелось специальное помещение для сна паломников, стекавшихся со всех концов страны. Оно называлось «абатон». Войти сюда можно было лишь пройдя предварительные сложные обряды «очищения» души и тела. Жрецы храма подолгу говорили с каждым, спрашивая, что привело его сюда, укрепляя надежду на выздоровление, веру в могущество и доброту бога — дарователя здоровья. Этому немало способствовали и местоположение, и вся обстановка храма. Он был расположен в густой зеленой роще, среди которой журчали десятки кристально чистых ручьев. Ветер доносил сюда свежий запах моря. Сказочная прелесть природы сливалась в нерушимую гармонию с величественной и строгой красотой белоснежного здания самого храма. В центре его высилось огромное мраморное изваяние Асклепия. Наружные стены храма были составлены из огромных каменных плит, на которых вырезаны надписи, рассказывающие о самых выдающихся из совершившихся здесь исцелений. Эти плиты были найдены археологами при раскопках, и по сохранившимся надписям можно установить, какие болезни и почему здесь излечивались. Вот, например, одна из них: «Девочка немая. Обегая вокруг храма, она увидела змею, вползавшую на дерево в роще; в ужасе стала звать отца и мать и ушла отсюда здоровой». Другая: «Никанор параличный. Пока он сидел и отдыхал, один мальчишка украл у него костыль и бросился наутек. Он вскочил, побежал за ним и стал здоров»¹.

Психиатрам давно уже известно, как целительно бывает иногда действие внезапных эмоциональных раздражителей (роль которых в данных примерах в первом случае сыграл внезапный испуг, во втором — гнев), и они с успехом используют их для лечения разнообразных проявлений истерии, в

¹ Leipoldt J. Von Epidauros bis Lourdes. Leipzig, 1957.

том числе для устранения некоторых параличей, слепоты, глухоты и немоты. Так что в этих фактах исцеления немой и параличного, разумеется, нет ничего сверхъестественного. Правда, сохранились каменные плиты, на которых высечены повествования и о таких, например, чудесах: одному больному жрецы храма отрезали голову, а затем приставили ее вновь, и он ушел здоровым и веселым. Неправдоподобие явно бросается в глаза! Когда чуда не было, его приходилось придумывать. Когда же наступало выздоровление, причем, конечно, от вполне естественных причин (удачного сочетания климатических факторов, умелого внушения, сильного, обостренного верой самовнушения и др.), его приписывали вмешательству свыше.

Используя веру больных в ждущее их здесь исцеление, жрецы искусно внушали им если не полное избавление, то по крайней мере облегчение от страданий. В тех случаях, когда причиной заболеваний были чисто нервные, истерического характера нарушения, удавалось добиться и полного устранения некоторых мучительных симптомов.

Однако эти выработанные долгим опытом храмовой медицины полезные приемы борьбы с болезнями жрецы ставили с ног на голову, приписывая милости бога. Люди отнимали у себя свои достижения, чтобы отдать их вымышленному сверхъестественному существу, и затем униженно вымаливать у него то, что создано их собственным разумом и руками. На этом нелепом парадоксе тысячелетиями покоилась вера в «чудодейственную целительную силу богов».

Эта вера играет важную роль и в христианской религии, которая с первых же шагов своего возникновения окружила ореолом всемогущего врачевателя Иисуса Христа. Среди многих чудес, о которых повествуется в евангелии, исцеления занимают первое место. В одной только восьмой главе «Евангелия от Матфея» говорится об исцелении слуги сотника благодаря сказанному Иисусом Христом: «Да будет тебе по вере твоей», об исцелении прокаженного прикосновением руки Иисуса, об исцелении тещи апостола Петра от горячки, а также о том, как «к нему привели многих бесноватых... и он изгнал духов словом и исцелил всех больных». Вечером того же дня Христос исцелил еще двух «весьма свирепых» бесноватых, переселив из них бесов в стадо свиней. «И вот, все стадо свиней бросилось с крутизны в море и погубило в воде». В этом и других евангелиях рассказывается также об исцелениях слепых и немых, о мгновенном избавлении от кровоточивости женщины, страдавшей этим

6A 67

заболеванием в течение двенадцати лет, о многочисленных исцелениях расслабленных, как именуются в этих текстах люди, страдающие параличом, и т. д.

И здесь мы встречаемся с уже знакомым нам способом «лечения» — с «изгнанием бесов». Как и в давние первобытные времена, на заре христианства «бесноватыми», «бесодержимыми» именуют все тех же больных нервно-психическими заболеваниями, среди которых немалое число больных, страдающих истерией. Установлено, что в происхождении большинства симптомов истерии (носящих подчас очень тягостный и затяжной характер) большую роль играют внушение и самовнушение. Эти же методы, соответствующим образом направленные, могут быть успешно использованы и для устранения отдельных проявлений этого заболевания. Именно на таких вполне естественных явлениях (объяснение их читатель найдет в следующих главах) основан успех многих исцелений. Ведь проявления истерии очень многообразны: параличи, слепота, глухота, временные расстройства сознания, судороги и т. п. Известно, что у страдающих истерией нередко возникают стойкие болезненные состояния, напоминающие многие весьма тяжелые органические заболевания. Среди них нередко и такое явление, как нарушение кровообращения. Вот вам и секрет исцеления женщины, страдавшей кровоточивостью! За Иисусом Христом ходят толпы слепо верующих в него людей, слава о его чудотворениях намного опережает появление его самого. Люди толкаются, стараясь пробиться к нему, хотя бы коснуться его одежды. Сам Иисус, как показывает текст Нового завета, понимает самовнушающую силу веры. Он говорит людям, идущим к нему за исцелением: «По вере вашей да будет вам!»

Вера в возможность сверхъестественного исцеления усиленно разжигается всеми современными религиями.

Уже более 100 лет одним из наиболее популярных мест религиозного поклонения в католической церкви является французский город Лурд, прославившийся своим «святым» источником. «Не только Франция, вся Европа, весь мир пускался в путь, и в некоторые годы особенного религиозного подъема там бывало от 300 до 500 тысяч человек», — писал в 1894 г. известный французский писатель Эмиль Золя в романе «Лурд». Число паломников в Лурд не уменьшилось и сегодня.

Шумная слава этого прежде очень тихого и маленького городка началась в 1858 г., когда местная жительница бо-

лезненно нервная девочка Бернадетта Субиру рассказала, что, собирая хворост у ручья, она увидела в глубине темного грота сияющее «видение». Под влиянием наводящих вопросов священника она стала впоследствии утверждать, что ясно разглядела облик пресвятой девы Марии, объявившей ей, что отныне вода, вытекающая из Масабиельского грота, станет чудотворной. Она станет исцелять тех, кто заслужит милость божьей матери. Разумеется, недостатка в желающих избавиться от болезней не оказалось, и, как писал в своем романе Эмиль Золя, «желание исцелиться исцеляло, жажда чуда творила чудеса». Молва о первых исцелениях вскоре распространилась по всей Франции. Было объявлено, что богородица повелела, чтобы у грота была сооружена посвященная ей часовня. В 1864 г. на собранные частные пожертвования здесь был построен один из богатейших храмов Европы. На широкую ногу была поставлена реклама. Специальным эдиктом папы римского Лурд был объявлен официальным местом ежегодного паломничества католиков. Стала издаваться специальная газета «Лурдский паломник», где появляются сообщения о происходящих там «чудесах» исцеления¹. Ограда грота увешана костылями, оставленными здесь людьми, избавленными от параличей и хромоты.

В рассказах о лурдских «чудесах» много вымышленного, недостоверного, раздутого, но несомненно, что в Лурде действительно по временам происходили и происходят избавления некоторых больных от заболеваний или улучшения в их состоянии и самочувствии. Конечно, такого рода излечения могут касаться только определенного рода болезней, а именно тех, которые вызваны различными нервно-психическими, функциональными расстройствами. Основа лурдских «чудес» — продуманная система всестороннего и последовательного влияния на психику больного с начала движения от дома паломника до «мест исцеления». Естественные причины совершающихся здесь иногда исцелений — внушение и самовнушение, а также условия и обстановка, способствующие возникновению гипнотического состояния.

В православной церкви издавна существует обычай «врачевать» любые болезни молитвами, которые, по многу раз повторяя, читает над страдающим недугом священник. В церковном требнике имеется богатый набор таких «вра-

¹ Ж. Бонифан. Лурд — величайшая в мире фабрика шантажей. М., 1930.

чевальных молитв». Некоторые молитвы числятся пригодными для всех случаев, они так и именуются «на всякий вид болезни», другие же имеют более узкое назначение, например, «молитва над главою болящему», «молитва над кровию мною текущею из носа», «молитва над болезнью рук и ног». Широко была распространена раньше вера в то, что исцелять могут иконы (особенно так называемые явленные) и мощи «святых угодников». Недужные и страждущие со всех концов страны тянулись, чаще всего пешком, кто в Киево-Печерскую или Троице-Сергиевскую лавру, кто в Соловецкий монастырь или на остров Валаам, кто в Саровскую пустынь. Повсюду в этих слывших «чудотворными» местах происходило то же самое, что делается и в Лурде — служились торжественные молебны о ниспослании исцелений, после которых жаждущие «чуда» с горячей верой в «милосердие господне» прикладывались к иконе или месту погребения мощей «божьих заступников», страстно моля их о выздоровлении.

Народная молва при небескорыстном содействии духовенства создавала вокруг таких старых, давно известных или каких-то новых, недавно «прославившихся» мест религиозного поклонения серии легенд об исцелениях. Эти слухи росли и множились, привлекая новых людей, ищущих сверхъестественного спасения от недугов. Как и во всех прочих историях с «чудесными» исцелениями, здесь бывало все: и совершенно вымышленные рассказы, и мнимые, умышленно подстроенные «исцеления». Были и случаи, когда больному казалось, что наступило выздоровление, и он радостно оповещал об этом всех, но, вернувшись домой, чувствовал себя по-прежнему плохо. Встречались и отдельные случаи, когда болезненные симптомы, нередко и тяжелые, действительно исчезали. Но во всех этих случаях научный анализ всегда находит истинные, вполне естественные и объяснимые современной наукой причины, сыгравшие роль целительных факторов. Однако никогда не бывало, чтобы при поклонении «чудотворной» иконе излечивались органические параличи, вызванные разрушением нервных клеток головного или спинного мозга и их проводящих путей.

Можно привести много примеров, когда надежда на «чудо» исцеления не только никого не избавляла от болезни, а, наоборот, способствовала самому тяжелейшему исходу заболевания. Тысячи больных, из века в век уповавших на «божественную» милость, молившихся и ставивших свечи, вместо того чтобы вовремя обратиться к врачу, в результа-

те безнадежно запускали свою болезнь. Пускаясь в долгое и утомительное путешествие, больные паломники еще больше изнуряли свой ослабленный организм и нередко погибали, не дойдя до цели, или на обратном пути.

«Святые» места и иконы опасны и тем, что они являются прямыми рассадниками заразных заболеваний. Здесь скапливается одновременно много больных с самыми различными недугами. Все они прикладываются к мощам и иконам или купаются в воде одного и того же источника, а это не может не вести к повальным заболеваниям — эпидемиям. Поучительный пример дает нам история. В 1771 г. в Москве во время эпидемии чумы духовенство распространило в народе слух, что икона боголюбской богородицы сотворяет чудеса — заболевших чумой она исцеляет, здоровых предохраняет от опасности заболевания. И люди валом повалили к Варварской башне, где была эта икона. Денно и ночью стали здесь служить молебны об избавлении от «черной немочи», по окончании которых верующие истово один за другим прикладывались к иконе. И вот беда не замедлила разразиться — эпидемия стала распространяться с удвоенной силой. Тогда архиепископ московский Амвросий был вынужден запретить доступ к новой «чудотворной» святыне. Народ же возмутился так сильно, что запрет этот послужил внешним толчком к так называемому «чумному бунту», истинные причины которого были, конечно, более глубоки¹.

Но и поныне даже в нашей стране вера в возможность «чудесного исцеления» кое у кого не угасла, принося немало губительных последствий для здоровья склонных к этому предрассудку людей. За каменной оградой Троице-Сергиевской лавры и сейчас можно стать свидетелем картины, вызывающей чувство горького сожаления о людях, находящихся в плену вековых суеверий. В надкладезной часовне неизменно толкуются ищущие исцеления от воды здешнего «святого» источника. К стекающим с темносерого мраморного креста струям протягивают бидоны, кружки, банки. Одни тут же пьют «чудотворную» воду, другие обмывают ею лицо, третьи льют ее себе за воротник. В лицах проглядывают выражения умиления и напряженного ожидания, что если не сию минуту, то в самое ближайшее время исчезнет недуг, вернется бодрость и сила, оправдается та надежда, что привела сюда всех этих людей, выстроившихся в очередь за «чудом».

¹ П. В. Сытин. Из истории московских улиц. М., 1958, стр. 109.

Приходится также признать, что и доныне у нас бывают случаи, когда люди, даже числящиеся образованными, обращаются к знахарям, бабкам и другим самозванным исцелителям, нанося тем самым большой, а иногда и непоправимый вред своему здоровью.

Особенно широкое распространение имеет вера в возможность сверхъестественного излечения в странах капиталистического Запада. Как это ни парадоксально, число обращающихся к шарлатанам и знахарям там не уменьшается, а с каждым годом растет. Если в 1938 г. во Франции насчитывалось 40 тысяч целителей, не имеющих никакого медицинского образования, то в 1963 г. их стало 110 тысяч. В Италии тысячи людей обращаются к лекарям, применяющим «колдовство» в качестве средства врачевания. Вот что писала в июне 1962 г. газета «Унита» об одном из таких целителей:

«В лачуге, грязной и с дурным запахом, среди перегонных кубов, печечек, повозок для кошек, таинственных порошков, астрологических карт лежал распростертый двадцатилетний юноша. Он был доведен до бессознательного состояния средствами, которые применял к нему в течение двух месяцев «лекарь», к которому он обратился за «лечением». Состояние его было настолько тяжелым, что его пришлось поместить в госпиталь». Там же рассказывается о том, что в городке Вольвера, находящемся всего в 25 километрах от Турина, ежегодно весной до 500 человек заполняют двор дома, где живет Мария Сапенья. Здесь звучат не только все диалекты Италии, но и иностранная речь. «Святая» гражданка принимает в день в среднем 150 человек. Мария Сапенья утверждает, что она видела Мадонну в углу своего хлева и что святая дева ей сказала: «Ты будешь лечить людей, прикасаясь к ним руками».

В США насчитываются десятки тысяч целителей — шарлатанов, именующих себя радиоэстезистами, хиропрактиками, натуропатами и т. п. Число их клиентов намного превосходит число людей, обращающихся к дипломированным врачам. Не меньший успех выпал на долю знахарей, лечащих с помощью «потусторонних сил» в ФРГ. Здесь на каждые семь врачей имеется один самозванный целитель неведомыми, потусторонними силами¹.

В капиталистических странах деятельность всех этих спекулирующих на возросшей тяге к мистике шарлатанов

¹ М. И. Шахнович. Современная мистика в свете науки, М.—Л., 1965, стр. 149.

встречает отпор лишь в отдельных произведениях передовых ученых и статьях прогрессивной прессы. Основная же масса буржуазных газет и книг всячески раздувает популярность этих самозванных целителей, им отводится видное место на полосах реклам и объявлений, обоснованию их «чудодейственных» методов «лечения» посвящаются специальные псевдонаучные труды. И это вполне понятно! Разжигание веры в «чудо» как способ отвлечь внимание людей от животрепещущих проблем сегодняшнего дня, как способ внушения им пассивности, безынициативности всегда было излюбленным средством воздействия на массы в руках тех, кто мечтал остановить ход истории.

История раскрытия истинных (разумеется, вполне естественных) причин избавления больных от недугов, происходящих иногда в религиозной обстановке, неотрывна от истории раскрытия сущности гипноза и внушения.

Явления, позднее получившие название гипноза и внушения, впервые попали в поле зрения науки лишь в середине XVIII века. Случилось это так. Венский врач Франц Антон Месмер, следуя модному увлечению, пытался лечить больных «магнитами». Однажды он случайно заметил, что в тех же случаях когда помогает «магнит» (а именно при лечении некоторых нервных расстройств), успех получается и при простом прикосновении одних его рук. Месмер подумал, что в его собственном организме концентрируется и может истекать из рук особая невидимая жидкость — благотворный «магнетический флюид». Он настолько был уверен в истинности своего «учения», что даже представил его на утверждение в академии наук многих столиц Европы. Специально созванная Парижским медицинским факультетом и Академией наук ученая комиссия отвергла его притязания на научность. И, действительно, выдуманное Месмером «учение о животном магнетизме» было гораздо ближе к мистике, чем к науке. Именно привкус мистики привлек к «учению» Месмера неразборчивых любителей чудес, которые наряду с многочисленными шарлатанами и фокусниками стали демонстрировать по всем городам Европы и даже Америки «силу магнетизма». Однако косвенным образом этот нездоровый ажиотаж принес пользу, так как привлек внимание и серьезных людей.

На сеанс одного из месмеристов в английском городе Манчестере пришел местный хирург Джемс Брэд. Его собственный опыт каждодневно убеждал в том, что успешный результат энергичного вмешательства в ход жизнедеятель-

ности организма может быть обеспечен лишь строгим и точным знанием дела. Поэтому Брэд не мог не относиться скептически к шумному магнетизму, хвастающему «чудесами», совершаемыми в помощь каких-то темных «потусторонних» сил. Однако верный, наблюдательный взгляд Брэда, замыслившего разоблачить месмериста, неожиданно подметил среди продемонстрированных им эффектов и реальные, очень интересные явления. Брэд увлекся их изучением и вскоре нашел им вполне естественное объяснение, показав, что они представляют собой не что иное, как внешние проявления особого нервного сна, возникающего у якобы магнетизируемого как естественное следствие утомления взора, длительно и пристально сосредоточенного на блестящем предмете. Он назвал это состояние «гипноз», что на греческом языке означает сон. Кроме того, Брэд доказал на тщательно проанализированных случаях из собственной медицинской практики полезное действие гипноза при лечении ряда заболеваний.

С 1843 г., когда была опубликована «Нейрогипнология» — основной труд Брэда, — ведет свое начало эра научного подхода к гипнозу. Эра эта знаменательна той острой борьбой, которую и поныне ведут против материалистического понимания гипноза сторонники мистицизма. Одним из показательных эпизодов этой борьбы был, например, тот факт, что представители религии, весьма снисходительно, а подчас и с прямым поощрением относившиеся к «чудодеяниям» магнетизеров, резко обрушились на Брэда, сразу учуяв, что его естественное объяснение гипноза наносит прямой удар по издавна используемому ими арсеналу средств воздействия на психику верующих. Нет, они не выступили с прямым опровержением его опытов, понимая свое бессилие в этом способе борьбы с наукой, но вытащили на свет самое излюбленное и коварное оружие — клевету. Ливерпульский священник Мак Найл в одной из своих воскресных проповедей назвал Брэда «агентом сатаны», его опыты «дьявольскими» и в вопиющем противоречии с хорошо ему самому известными фактами попытался опорочить честное имя Брэда, обвинив его в том, что он использует для опытов лишь собственных слуг и подкупленных пациентов. Брэд ответил ему пламенным, блестяще написанным памфлетом, в котором наголову разбил клеветнические измышления клерикала¹.

¹ J. Braid. Salanic agency and mesmerism reviewed in a letter to the Rev. H. Mc Neil, A. M. of Liverpool. Manchester, 1842.

Углубленное изучение гипноза убедило Джемса Брэда в том, что предложенное им естественнонаучное понимание этого явления проливает ясный свет на многие тайны и ухищрения мистики. В опубликованной в 1855 г. научно-медицинской статье «Соображения о природе и лечении некоторых форм параличей» он обобщает свой личный опыт успешного снятия функциональных параличей с помощью гипноза.

Брэд — убежденный сторонник точки зрения о том, что мысли и чувства постоянно влияют на тело. Существует немало заболеваний (к их числу относятся и функциональные параличи), причиной которых могут быть испуг, долгие тягостные переживания, внезапное нервное потрясение, горечь разлуки и т. п. В лечении таких заболеваний, не поддающихся иногда никаким лекарственным средствам, большой, неоценимый и подчас очень быстрый целебный эффект оказывает гипнотический сон. Вскоре Брэд обнаружил еще одну важную особенность гипноза. Погруженный в это состояние человек становится повышенно восприимчивым к воздействию слова врача, и тогда это слово оказывается способным лечить! Взять хотя бы такой случай. Больная женщина после сильного испуга ослепла вначале на один глаз, а вскоре зрение исчезло и во втором. Усыпив ее гипнотическим сном, Брэд уверил ее, что болезнь излечима, но выздоровление не так скоро, как этого хотелось бы, но к своему удивлению он обнаружил, что улучшение наступило уже после первого сеанса. Тогда во время каждого последующего сеанса он стал внушать больной, что скоро наступит день, когда она полностью выздоровеет. Успех превзошел все ожидания. Чем не чудесное исцеление? Лекарств никаких не дается, операции не производится, а человек, ослепший на оба глаза выздоровел. От чего? От одних только слов врача. Вот оно могучее влияние психики на тело. Это оно — естественная причина тех мгновенных исцелений, которые создавали славу чудотворцев многим проповедникам религии! Но глубже проникнуть в суть этого удивительного явления Брэд еще не мог. Почему слово особенно сильно действует на загипнотизированного? Какие физиологические процессы организма лежат в основе этого целебного эффекта? Обо всем этом Брэду остается только догадываться, проверить же и доказать свои предположения он тогда еще не мог.

После смерти Джемса Брэда центр изучения гипноза переместился во Францию. Врач из города Нанси Август

Амвросий Льебо попробовал применять метод Брэда в своей лечебной работе. Стараясь достигнуть наилучших результатов, он усовершенствовал способ гипнотизации и убедился в большой действенности этого вида лечения. Его авторитет среди больных неухватимо рос, вскоре ему удалось достичь таких излечений, которые, будь они совершены в обстановке храма или под сенью хижины колдуна, были бы восприняты как свидетельство «милости божьей» или «силы волшебства». Но для Льебо все эти случаи — лишь примеры целебной силы внушения, соединенного с самовнушением, роль которого играет непоколебимая вера больных в возможности врача.

Внушаемость, или, что то же самое, податливость к внушению, устанавливает Льебо, присуща всем людям без исключения, одним в большей степени, другим — в меньшей, но гипноз, как и другие виды искусственного сна (так называет Льебо экстазы, трансы, религиозную восторженность и иные состояния одурманенности рассудка), усиливает, обостряет это свойство. Мысли, высказанные гипнотизером (внушение), а также собственные мысли, чувства, желания (самовнушение) оказывают на человека, находящегося в подобном сне, особенно глубокое влияние, изменяя его чувствительность, деятельность внутренних органов, самочувствие, поведение.

Трудами Льебо заинтересовался профессор медицинского факультета в Нанси Ипполит Бернгейм. Применив метод лечебного словесного внушения в своей клинике, он убедился в его большой пользе и приступил вместе с большой группой ученых-энтузиастов к широкому исследованию гипноза и связанных с ним явлений. Вскоре Бернгейм убедился в том, что при определенных условиях, а именно, когда оказывают сильное воздействие на воображение или чувства человека, его восприимчивость к внушению и наяву оказывается ничуть не меньше, чем в гипнозе. Бернгейму удалось практически доказать широкие возможности лечебного внушения. Но в то же время этот факт еще дальше прояснил туман мистической техники «чудодействий». Не всегда дело в гипнотическом сне. Когда распалено воображение, когда подавлены все чувства и желания, кроме единственного, волнующего все существо, — избавиться от недуга, исцелиться, стать снова здоровым и сильным, тогда лишь одно слово человека, на которого возлагается исполнение этой надежды, одно лишь прикосновение к нему или к святыне, от которой ждут спасения, может силой самовнушения привести

к желанному эффекту — снять болезненный симптом, облегчить самочувствие. Но все ли болезни и у всех больных? На этот вопрос точно ответил другой прославленный исследователь гипноза, занимавшийся в те же годы этой проблемой, — крупнейший невропатолог и психиатр Жан-Мартин Шарко.

В Сальпетриере — парижской психиатрической клинике, директором которой был Шарко, было немало больных женщин, страдавших истерией. Оказалось, что они легко впадают в состояние гипноза при действии внезапных, сильных раздражителей. При входе больной в зал, где Шарко читал свои знаменитые лекции, которые слушали не только студенты, но и врачи, съезжавшиеся из многих стран Европы, вдруг раздавался резкий удар гонга или пронзительный звук громадного камертона, или внезапно вспыхивал ослепительный свет. И больная застывала, словно каменное изваяние. Шарко выделил три характерные стадии гипноза, из которых наибольший интерес представляет самая глубокая — сомнамбулическая. Больную, находящуюся в этой стадии, можно одним только внушением того, что она находится, например, в зоологическом саду, заставить пережить полную гамму впечатлений от такой прогулки. Она станет разговаривать с воображаемым попугаем, улыбаться шалостям якобы видимых ею мартышек и т. д. Вместе с тем Шарко показывает, что повышенная внушаемость вообще составляет главную черту больных истерией. Загадочные, веками не находившие себе объяснения пестрота и многоликость симптомов этого заболевания находят свою разгадку именно в этой кардинальной черте истеричных. Разнообразие внешних проявлений этого заболевания, способного имитировать чуть ли не все известные медицине болезни — слепоту, глухоту, параличи, контрактуры, полное отсутствие болевой чувствительности или, наоборот, резкое ее обострение, кожные язвы, кровотечения, расстройства пищеварительного тракта, сердечно-сосудистой деятельности и др. — все это давно уже заставило врачей называть истерию «великой симулянткой». Но это неверно. Истерия — самостоятельное заболевание, иногда очень тяжелое. Симптомы ее чаще всего психогенны, т. е. возникают вследствие воздействия на психику. Они вызываются различного рода потрясениями и переживаниями, а также в связи с внушением и самовнушением. Но эти же причины могут приводить и к обратному эффекту, т. е. к исчезновению болезненных проявлений. Шарко, неоднократно наблюдая такие

случаи в клинике, с полным правом заявил в своей известной статье «Вера, которая лечит», что таковы же и вполне естественные причины исцелений, которые наблюдались прежде и случаются теперь в местах религиозного поклонения. Для этих «чудес» существуют подвластные им болезни и подходящие для них объекты.

Большой вклад в дело изучения гипноза и внушения, в дело превращения этих древних орудий мистики в одно из действенных орудий медицины принадлежит нашим отечественным ученым. Следуя по пути, намеченному основоположником русской физиологии И. М. Сеченовым, они смело ищут новые пути изучения этих явлений.

В 1891 г. на IV съезде Общества русских врачей в Москве с докладом «Единство гипнотизма у человека и животных» выступил выдающийся физиолог Василий Яковлевич Данилевский. Он подвел итоги многолетних (начиная с 1874 г.) исследований, проведенных им на самых разнообразных представителях животного царства — лягушках, ящерицах, змеях, тритонах, черепахах и крокодилах, на выюнах, камбалах и электрических скатах, на всевозможных птицах и их маленьких птенчиках, на речных раках, морских крабах, лангустах, омарах и каракатицах. Все эти многочисленные эксперименты свидетельствуют об одном: гипноз — вполне естественное явление, оно может быть вызвано не только у человека, но и у самых различных животных, а явления, наблюдающиеся у них, глубоко сходны с симптомами гипноза человека. И у них наблюдаются окоченение тела, застывание конечностей в любых приданных им положениях, полная нечувствительность к боли и т. п.

Гипноз и внушение должны занять принадлежащее им по праву достойное место среди других лечебных методов медицины, заявил в своем докладе на том же IV съезде врачей Ардальон Ардальонович Токарский, друг и соратник выдающегося психиатра С. С. Корсакова. Радуюсь достигнутому к этому моменту уровню знаний о гипнозе, Токарский провозглашает: отныне в этом вопросе нет места мистическим представлениям. «Изучение внушения открыло необыкновенно могучее влияние психических воздействий, которое может быть без всякого преувеличения поставлено наряду с воздействиями факторов физических, и пользование психическими влияниями стало задачей врача...¹. Эта

¹ А. А. Токарский. Терапевтическое применение гипнотизма. М., 1890, стр. 6.

мысль вдохновляла всю деятельность Токарского, который первым в России читал студентам-медикам Московского университета курс физиологической психологии и гипнотерапии. Известно отношение Токарского к целителю «силой божьей» священнику Сергию Пермскому из села Нахабино, практиковавшему религиозное лечение алкоголизма. Токарский специально сам ездил смотреть, как борется с пагубным влечением пьяниц к алкоголю отец Сергей, и потом рассказывал: «Ничего, кроме внушения и гипноза, я там не видел, никаких „чудес“, никакой „божьей воли“, обычная психотерапия верой». Последовательно и непримиримо борясь с предрассудками, Токарский неустанно подчеркивал значение науки, роль знания и опыта, напоминая, что в области применения гипноза не должно быть места невеждам. Применение гипноза доступно каждому врачу, но успех ждет лишь того, кто глубоко овладел всей суммой необходимых знаний, техникой гипнотизации, основами психиатрии и медицинской психологии. На вопрос о том, кто может быть гипнологом, не требуется ли для этого каких-то особых, сверхъестественных качеств и врожденных свойств, Токарский решительно отвечал: «Это обстоятельство не имеет здесь совершенно никакого значения; и если бы сам дьявол явился в качестве гипнотизера, то и ему следовало бы прежде всего ознакомиться с явлениями»¹.

Безграничное человеколюбие, душевная тонкость, широта познаний, влюбленность в свое дело — характерные черты Токарского как человека и врача, поднявшего метод лечебного влияния словом до высоты подлинного искусства врачевания психики больного, а тем самым и всего его организма.

Велика роль в развитии науки о гипнозе, внушении и связанных с ними явлений выдающегося отечественного психоневролога академика В. М. Бехтерева. Он считал гипноз своеобразным видоизменением нормального сна. Главное отличие гипнотического сна от естественного он видел в том, что гипноз вызывается искусственно усыпляющими приемами гипнолога. Из таких приемов самым эффективным Бехтерев считал словесное внушение, дополненное действием однообразных слабых физических раздражителей. Сам он был великолепным психотерапевтом и постоянно применял гипноз и внушение в собственной лечебной прак-

¹ А. А. Токарский, Терапевтическое применение гипнотизма. М., 1890, стр. 32.

тике. Из нее он брал те приемы успешного лечения различных заболеваний этим методом, которые постоянно публиковали в медицинских журналах и сборниках, стремясь привлечь внимание и интерес своих коллег к психотерапии. Бехтерев отдал немало сил пропаганде правильных естественнонаучных представлений о гипнозе среди широких масс населения. В годы перед первой мировой войной, когда в России взмыла очередная волна увлечения «чудесами», «духовыстукиванием», магией и прочими видами мистики, усиленно поощрявшихся правящей верхушкой, научно-популяризаторская деятельность Бехтерева имела огромное прогрессивное значение. На конкретных, взятых из жизни примерах он убедительно показывал, что факты, которые мистики выдают за «чудесные исцеления», «материализацию духов», «божественные видения» и «откровения», в действительности, там, где речи нет о вульгарном обмане, построены на неизвестных большинству людей явлениях гипноза и внушения. Один из таких кажущихся непостижимо чудесных случаев он подробно описал, в своей книге «Внушение и его роль в общественной жизни». «Мальчик Г. страдал параличом истерического происхождения, природа которого, к сожалению, осталась нераспознанной известным в Петербурге психиатром, признавшим его неизлечимым. Парализованный мальчик оставался беспомощным уже много лет, как вдруг однажды во сне он увидел лик божьей матери, приказавшей ему поклониться святой иконе, находящейся в часовне по Шлиссельбургскому тракту у Стекланного завода и известной тем, что ударом молнии в 1888 г. было разрушено все внутри часовни, но сохранился лишь образ божьей матери, причем лик ее оказался усеянным в форме венца медными монетами из сборной народной кружки. Проснувшись, Г. настойчиво начал просить себя повезти к упомянутой иконе, и когда желание его было исполнено, то оказалось, что уже во время молебна он получил возможность стоять на ногах и с этих пор начал ходить»¹.

Бехтерев объясняет, что, как ни удивителен этот случай, его происхождение вполне естественно. Фанатическая вера мальчика в силу иконы (которую молва из-за приключившегося с ней необычного происшествия окружила ореолом чуда), соединившись с самым сильным для тяжелого больного желанием — выздороветь, подчинила себе все его мыс-

¹ В. М. Бехтерев. Внушение и его роль в общественной жизни. СПб, 1903, стр. 36.

ли и чувства, не оставив в его сознании места никакой критике. Эта мысль действовала по механизму сильнейшего самовнушения, благодаря которому и произошло почти моментальное освобождение больного от истерического паралича. Однако глубоко проникнуть во внутреннюю физиологическую природу гипноза и внушения Бехтереву не удалось. Это сделал великий русский физиолог И. П. Павлов со своими учениками и последователями.

На благо человеку Уже с середины прошлого века передовые ученые — физиологи, психологи, невропатологи, психиатры и педагоги — осознавали необходимость найти новый, более совершенный, более точный метод изучения работы мозга. Первым глашатаем этой идеи был физиолог И. М. Сеченов.

Тот способ изучения психики, которыми пользовались «умы из самых крупных — от Аристотеля до Канта», — заявляет Сеченов, — метод самонаблюдения, метод анализа собственных переживаний и поступков, догадок о мотивах поведения, мыслях и чувствах других людей — недостаточен, он мало дал, он часто ведет к ошибкам. По самому своему существу он не может быть свободен от сугубо личных, пристрастных суждений, над ним не может не тяготеть рок неточности. Поэтому-то до сих пор психология и оставалась непочатой наукой. Он предлагает новые, плодотворные пути: 1) сопоставление психических явлений у человека с психикой животных; 2) изучение человеческой психики методом сопоставления полученных данных с достаточно хорошо изученными и доступными точному анализу физиологическими процессами, совершающимися в низших отделах нервной системы.

Шарко, как бы перекликаясь с Сеченовым, пишет: «До сих пор принято было не принимать во внимание психологию, ее преподают в колледже, но эта маленькая психология в розовой водице немного дает. Надо создать новую психологию, основанную на изучении патологии, которой мы занимаемся... Надо для контроля этих наблюдений человека над самим собой обратное наблюдение, и в этом противоположном наблюдении нервная патология должна сыграть большую роль»¹.

¹ G. Guillaín. J.-M. Charcot (1825—1893), sa vie—son oeuvre. Paris, 1955.

В 1894 г. В. Я. Данилевский произнес пророческие слова: «...мы вправе изучать психические проявления совершенно так же, по тому же плану, как и явления телесной жизни.

Геоцентрическая теория была разрушена лишь тогда, когда Коперник вообразил себя вне земли; только тогда явилась возможность объективно исследовать движения ее, все равно как и других планет. Подобно этому должен поступить и натуралист, изучая душевные явления как известную часть процессов общей жизни».

Таким Коперником, сумевшим взглянуть со стороны на явления душевной жизни, стал Иван Петрович Павлов.

В поисках ключа к тайнам мозга, к этой запретной обители «бессмертной души» Павлов пошел по пути, открытому отцом русской физиологии И. М. Сеченовым, книга которого «Рефлексы головного мозга» (1863) оказала глубокое влияние на образ мышления будущего естествоиспытателя.

Павлов, как и Сеченов, не только смело отказался от извечного деления организма на «бессмертную душу» и «тленное тело», но, исходя из их единства, пришел к признанию необходимости изучения всех форм деятельности организма, в том числе и психической, единым научным методом. Однако он пошел значительно дальше своего учителя. Сеченову принадлежала гениальная, но все же лишь чисто теоретическая идея о том, что объяснения психическим явлениям следует искать в понятии рефлекса. Закономерности же, лежащие в основе этих явлений, им не были, да и не могли быть найдены, ибо в его руках еще не было истинного экспериментального метода их изучения. Павлов нашел его в методе условных рефлексов, который и послужил ему ключом к самым сокровенным, запретным тайнам «души». С его помощью Павлов установил основные законы высшей нервной (психической) деятельности.

Избранный Павловым путь строго объективного изучения психики был в корне противоположен принятому доселе в этой области методу субъективному.

При субъективном методе личное отношение исследователя к явлениям, которые он изучает, его собственное, произвольное мнение о них служит исходной, опорной точкой для дальнейших заключений. Естественно, что говорить о какой-либо научной точности при этом совершенно невозможно. В противовес этому, объективное исследование требует прежде всего беспристрастности в подходе к изучаемым явлениям, полностью исключает предвзятое отношение

к наблюдаемым фактам, стремится к возможно большей точности при их регистрации. Лишь на основе сопоставления полученных этим путем точных, доступных проверке данных делаются выводы и заключения, познаются закономерности изучаемых процессов. Этим требованиям объективности в физиологии отвечал метод исследования процессов, протекающих в организме, путем точной регистрации реакций, развивающихся в ответ на внешнее раздражение, т. е. здесь исходной, опорной точкой для суждения о внутренних процессах служат их внешние проявления в виде ответов организма на воздействия внешнего мира.

Метод условных рефлексов стал поистине волшебным ключом к раскрытию глубин протекающих в мозгу процессов. С его помощью было установлено, что фундамент психической деятельности составляют два основных, взаимно противоположных и тем не менее тесно друг с другом связанных нервных процесса — возбуждения и торможения, что орган высшей психической деятельности — кора больших полушарий головного мозга, что именно в ней сосредоточено верховное управление жизнедеятельностью нашего организма.

Когда мы бодрствуем, работаем, веселимся, едим, в мозгу преобладает процесс возбуждения, нервные клетки коры находятся в состоянии максимальной активности. Когда же мы отдыхаем, спим, скучаем, то на первый план выступает процесс торможения. Внешние проявления деятельности клеток в это время угнетены, но это не значит, что торможение есть состояние бездеятельности, полной пассивности. Нет, ибо внутри клеток во время торможения идет усиленная работа — клетки усиленно усваивают нужные им питательные вещества обновляют свой состав и тем самым восстанавливают способность к новой активной деятельности.

Все, что совершается вне и внутри нас, воспринимается органами чувств и многочисленными чувствительными нервными окончаниями, посылающими сигналы-сведения в высший отдел мозга. Проанализировав и суммировав всю поступившую информацию, сравнив ее с уже хранящейся в нем, мозг в свою очередь посылает сигналы-распоряжения к исполнительным органам нашего тела, заставляя чаще или реже биться сердце, слабее или сильнее сокращаться мышцы грудной клетки, регулируя отделение пищеварительных соков.

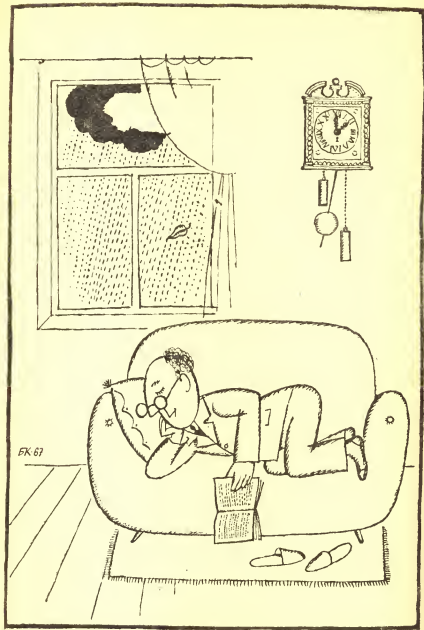
Свой высокий пост верховного распорядителя и регулятора жизни организма и нашего поведения мозг получил в

процесс эволюционного развития животного мира вовсе не случайно. Право на занятие этой почетной и ответственной должности дала ему чрезвычайно тонкая чувствительность и реактивность составляющих его нервных клеток. Но за эти редкостные качества им приходится расплачиваться, и притом очень дорогой ценой: клетки мозга отличаются большой ранимостью и утомляемостью. Превышение предела их работоспособности и выносливости грозит им опасностью болезненного истощения, необратимого разрушения.

На пути этой опасности самой природой поставлен защитный барьер — процесс торможения, главнейшее средство саморегуляции мозга. Если действующий на нервные клетки мозга раздражитель чрезмерно силен или длительность действия даже и умеренного раздражителя излишне велика, деятельность мозговых клеток угнетается. Вначале величина их ответов перестает соответствовать силе раздражителя, а затем они перестают реагировать. Развивается полное торможение.

Влияния, ослабляющие мозговые клетки, снижающие их работоспособность, — утомление, недостаточное питание, перенесенная инфекция, отравление (наркотиками, ядами), нервное потрясение, увеличивают их подверженность торможению. И это вполне понятно, ибо для ослабленных нервных клеток раздражители, бывшие прежде сильными, становятся сверхсильными, превышающими предел их рабочих возможностей.

Торможение, как и возбуждение, процесс движущийся: возникнув в одном участке коры больших полушарий, оно может распространиться дальше, разлиться по всей ее поверхности и даже спуститься на нижележащие отделы мозга. Именно так выглядит мозг в то время, когда человек крепко спит. Охваченные торможением нервные клетки не отвечают или лишь очень слабо отвечают на поступающие к ним извне сигналы, поэтому спящий и не реагирует на шум, разговоры, свет, разумеется, если раздражения не очень сильны; в противном случае они разбудят даже и спящего богатырским сном. Во время сна восстанавливается работоспособность огромной массы клеток мозга, поэтому, проснувшись, мы чувствуем себя бодрыми, освеженными. В жизни человека сон и бодрствование ритмично сменяют друг друга. О том, насколько сон необходим для жизнедеятельности организма, можно судить хотя бы по тому, что полное лишение сна и люди, и животные переносят гораздо труднее, чем голодание, и очень скоро гибнут.

FK-67

Был поставлен специальный опыт: одних собак полностью лишили сна, а других пищи. Первые погибли на 5-й день, а вторые были живы и после 25-дневного голодания.

Торможение переходит в сон, когда условия благоприятствуют распространению тормозного процесса. Всем известно снотворное действие однообразно повторяющихся раздражителей умеренной силы. Так, неодолимо клонят нас ко сну тихий шелест листьев, перестук колес поезда, тиканье часов, монотонная речь, слабое завывание ветра, негромкие колыбельные песни. Благоприятствует сну и устранение сразу нескольких раздражений из окружающей обстановки — громкого шума, яркого света. Эти раздражения, создавая очаги возбуждения в мозгу засыпающего человека, препятствуют торможению охватить всю кору больших полушарий и тем самым мешают быстрому наступлению сна.

Но разве только эти внешние раздражения препятствуют засыпанию? Человеку еще больше мешает уснуть то, что находится внутри него — волнения, беспокойства, переживания. Чаще всего именно это создает в мозгу очаги стойкого негасимого возбуждения, препятствующие торможению захватить под свою благотворную власть весь наш мозг. Но не даром в русской поговорке о силе сна сказано: «И рать, и воеводу в один мах перевалил». Сон рано или поздно, но наступит. Каков же будет характер этого сна, какова картина происходящих во время него в мозгу процессов? Возьмем наиболее яркий пример, нагляднее всего вскрывающий суть процесса.

У постели тяжелобольного ребенка уже несколько суток без сна и отдыха хлопочет мать. Все существо ее охвачено одной мыслью, одной заботой, одним переживанием. Ребенок уснул, и здесь же, побежденная усталостью, уснула она. Из окна доносится шум машин и трамваев в комнату может кто-то войти, зажечь свет, громко окликнуть спящую, она ничего не слышит. Настолько глубокий, поистине непробуден этот сон. Но вот ребенок слабо, едва слышно застонал, и мать мгновенно вскакивает, бросается к нему. Это пример так называемого частичного, неполного сна. Среди преобладающей массы охваченных торможением клеток мозга, в его высшем отделе, в данном случае в слуховой зоне коры больших полушарий, сохраняется небольшой участок бодрствующих клеток, настроенных на восприятие только одного определенного раздражителя — сигнала о том, что больше всего тревожит спящую мать. Точно также бывало засыпали прямо на марше кавалеристы. Колонна, не останавли-

ваясь, движется, смертельно усталые всадники держатся крепко в седле, но головы их опущены на грудь — они спят. Но стоит раздаться голосу командира, подающего команду, и все мгновенно приходят в боевую готовность.

Среди животного царства есть существа, для которых такой частичный, неполный сон — характерная черта образа жизни. Вот, например, как спит один из представителей крупных головоногих моллюсков — осьминогий спрут. Опустившись на морское дно, он укладывает семь своих щупалец метровой длины кольцами вокруг головы. На фоне студенистой массы поразительно ярко видны его глаза.

Так он засыпает, все тело расслабляется в покое, но одно «дежурное», вытянутое вверх щупальце не дремлет, оно непрерывно вращается над спящим. Стоит чему бы то ни было к нему притронуться, и спрут, быстро выбросив целое облако черной краски, тотчас уплывает. На биологических станциях, где такие животные находятся в аквариумах, пробовали будить спрута осторожно касаясь его тела и скрученных щупалец снизу — ничего не получалось — моллюск продолжал неподвижно лежать. Но, когда легко прикасались к вращающемуся щупальцу, то сразу наступала «полная боевая готовность»¹.

Следовательно, здесь в совершенно естественных условиях жизни животного во время сна в центральной нервной системе всегда сохраняется бодрствующий очаг, стоящий на страже безопасности этого существа.

В лабораториях И. П. Павлова задумали создать частичный сон у животных искусственно. Одними из интереснейших в этой серии исследований были опыты доктора Б. Н. Бирмана. Он вырабатывал у двух своих собак условные рефлексы на 23 тона фисгармонии; 22 из них не подкреплялись последующим кормлением, а один тон — до 256 — всегда сопровождался дачей пищи. Через некоторое время, тихо ли, громко ли, звучали тона, не обещавшие обеда, проигрывание их стало действовать на собак усыпляюще. Засыпали они под эту музыку так крепко, что никакими силами не удавалось их разбудить. Толчки, оклики, уколы булавкой — все было тщетно. Зато звучание до 256 обрело поистине магическую силу. Едва слышное, оно мгновенно пробуждало собак, заставляло вскочить. Бодрые, до-

¹ Л. А. Орбели. Вопросы высшей нервной деятельности, М., 1949, стр. 275.

вольные, они с аппетитом облизывались и, радостно виляя хвостом, тянулись к заветной чашке.

Эти точно поставленные исследования шли в строго намеченном русле объективного метода — брались совершенно определенные внешние раздражители, безупречно и тщательно регистрировались возникавшие в ответ на них реакции животных, затем делались выводы, вытекающие из результатов опытов. Казалось бы, скучно, сухо и прозаично. Но именно эти для неспециалиста столь неэффектно выглядевшие эксперименты разрешали одну из самых заманчивых, самых волнующих загадок! И. П. Павлов так писал в предисловии к изданию этого исследования: «Настоящая экспериментальная работа Б. Н. Бирмана значительно приближает к окончательному решению вопрос о физиологическом механизме гипноза. Еще две-три добавочные черты и в руках физиолога окажется весь этот механизм, так долго остававшийся загадочным, окруженным даже какой-то таинственностью»¹. И, действительно, главная загадка гипноза в том, что погруженный в это состояние человек, казалось бы, нацело отрешенный от всего окружающего, спокойно-безразличный к сильнейшим воздействиям (вплоть до боли от ран и ожогов), проявляет поразительную тонкую восприимчивость лишь к одному — к влияниям, оказываемым на него тем, кто погрузил его в гипноз, — к голосу, словам, жестам гипнотизирующего. Разгадка в том, что гипноз — это частичный сон, при котором среди моря затлитых торможением, спящих нервных клеток мозга остается небольшой островок клеток бодрствующих, возбужденных, настроенных на восприятие определенного раздражителя. Создается такой вид сна особыми искусственными условиями, где наряду с раздражителями, благоприятствующими засыпанию, всегда имеется и такой, который оказывает противоположное действие — сохраняет и поддерживает очаг бодрствования или, как его называл Павлов, «сторожевой пункт».

У человека, погруженного в гипноз, этот пункт всегда «настроен» на голос того человека, который вызвал у него это состояние. Это явление носит в медицине название гипнотического раппорта, или избирательного контакта между гипнотизирующим и загипнотизированным.

Исследования показали, что для возникновения гипнотического состояния необходимы такие же условия, как и

¹ И. П. Павлов. Собрание сочинений. Т. VI. М.—Л., 1951, стр. 428.

для наступления сна. Такими условиями могут быть действие и внезапных, чрезмерно сильных или чрезвычайных раздражителей, и раздражителей средних и слабых, но длительное время однообразно ритмически повторяющихся. Гипнотическое состояние развивается значительно легче и быстрее, если в окружающей обстановке нет излишних возбуждающих моментов.

Сопоставляя условия наступления гипноза у животных с известными способами гипнотизации человека, И. П. Павлов писал: «Процедура гипнотизирования людей вполне воспроизводит описанные условия у животных. Ранний классический способ гипнотизирования — это так называемые пассы, т. е. слабые однообразно повторяющиеся раздражения кожи, как в наших опытах. Теперь постоянно применяющийся способ — повторяющиеся слова (к тому же произносимые в минорном, однообразном тоне), описывающие физиологические акты сонного состояния... Наконец, гипнотизирование истеричных по Шарко достигается сильными, неожиданными раздражителями, как в старом способе гипнотизирования животных... Как у животных, так и у людей большинство гипнотизирующих приемов тем скорее и вернее приводит к цели, чем они чаще применяются»¹.

Чаще всего применяемый теперь врачами метод вызывания гипноза словесным внушением основан на павловском понимании слова как качественно нового специфического для психической деятельности человека раздражителя, заменяющего и обобщающего множество непосредственно действующих на человека раздражений. Внушая гипнотизируемому представления, связанные со сном, гипнотизер вызывает у него в организме ряд сдвигов, соответствующих тем, которые происходят при засыпании.

Было установлено также, что особенно легко и быстро развивается гипноз, когда кора больших полушарий оказывается ослабленной вследствие утомления, отравления, перенесенной болезни или операции и т. д. И это понятно. Многие раздражители, бывшие сильными и даже средними для нормальной коры, становятся сверхсильными, превышающими предел работоспособности для ослабленных корковых клеток. Действуя на ослабленную кору, они вызывают в ней не возбуждение, а охранительный, тормозной

¹ И. П. Павлов, Собрание сочинений. I, IV, М.—Л., 1951, стр. 425—426.

процесс, который, распространяясь, создает картину различных стадий гипноза.

Этот трезвый и на первый взгляд, казалось бы, просто скучный перечень условий, способствующих гипнотизации, есть не что иное, как ключ к разгадке многих, тысячелетиями волновавших воображение людей тайн мистики. Завесу окутывавшего их прежде непроглядного тумана сорвали данные точного физиологического эксперимента. Здесь разгадка «священных» плясок, наркотических курений и неустанно повторяемых призывов к «богам» и «духам», этих неперенных составных частей обрядов «чудодейственного» врачевания у многих народов; здесь тайна шаманского бубна, постоянно сопровождающего «магические» процедуры камлания; здесь секрет «магнетических» пассов Месмера и «волшебных» средств погружения в «священный сон» игогов. А многократно произносимые вслед за священнослужителем слова молитв в храмах всех времен и народов, песнопения, звучание органа, сияние свечей и лампад? Разве не узнаем мы и в них гипнотизирующие воздействия, повышающие внушаемость верующих и тем подготавливающие почву для демонстрации всевозможных чудес, и в их числе самых желанных, и волнующих воображение «чудес исцеления»!

Как же объясняет физиология тот, казалось бы, совершенно непостижимый факт, что в местах религиозного поклонения порой одно лишь прикосновение к иконе или раке, в которой погребены мощи «святого», вызывало облегчение болезней, что по слову «чудотворца» вставал и шел человек, дотол не владевший ногами, или прозревал давно потерявший зрение? Мы говорили уже, что здесь действовали внушение и самовнушение, что гипноз повышает восприимчивость человека к их влиянию. Настал момент рассказать об этом несколько подробнее и глубже, так, как это выглядит в свете данных современной физиологии и психологии.

Мы знаем уже с вами, что верховным распорядителем и регулятором всех процессов, происходящих в человеческом организме, является мозг, и главным образом его высший отдел — кора больших полушарий, орган психики. Сильнейшим средством воздействия на психику, на мысли, чувства, поведение и настроение человека является слово.

Данные физиологических экспериментов неопровержимо свидетельствуют о том, что словом можно глубоко воздействовать и на многие проявления жизнедеятельности нашего организма, на работу его внутренних органов и систем,

на чувствительность и обмен веществ. В течение жизни со словами связываются все полученные нами впечатления, все оказанные когда-либо на организм воздействия реальных раздражителей, и потому слово становится способным заменять их действие, влиять подобно им.

В обыденной жизни человека можно найти много примеров, показывающих многообъемлемость слова как раздражителя. Ограничимся здесь лишь несколькими.

Часто случается, что, когда несколько человек вместе входят в комнату и один из них вслух замечает, что «здесь холодно», другие тоже начинают поеживаться, а у некоторых даже выступает «гусиная кожа», в то время как в действительности в комнате достаточно тепло и ощущение холода обязано своим возникновением одному только речевому раздражителю — слову. Другим примером может служить всем известный факт, что достаточно бывает лишь упомянуть о каком-нибудь особо любимом человеком блюде, чтобы вызвать у него усиленное слюноотделение.

Слово может вызывать и не только такие относительно простые реакции у человека, но и оказывать воздействие на область значительно более сложных ощущений и чувств.

Так, например, какое-нибудь радостное для данного человека известие может вызвать у него усиление и учащение сердцебиения, улыбку, румянец и т. п., в то время как посторонний человек, слыша те же самые слова, остается к ним совершенно безучастным и никаких реакций они у него не вызывают.

Слово может вызвать ряд самых глубоких изменений в организме человека не только тогда, когда его произносит кто-нибудь другой, но и тогда, когда оно мысленно возникает в нашем собственном мозгу, вызывая в нашем сознании те или другие образы. Так, всем известно, что часто одно лишь воспоминание о каком-либо волнующем событии из нашей жизни заставляет сильнее забиться сердце, учащает дыхание, вызывает слезы и т. п.

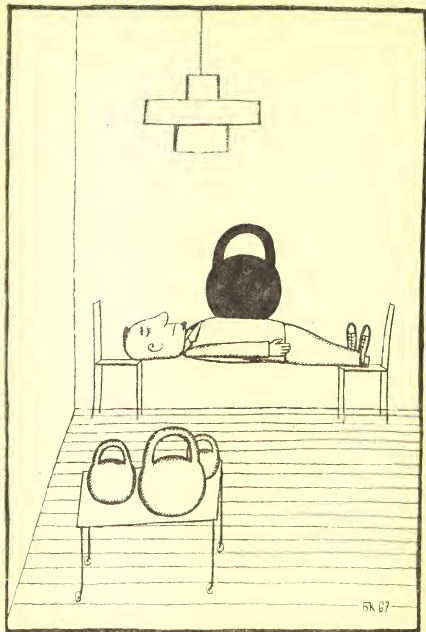
Имеется много экспериментальных данных, доказывающих огромные возможности воздействовать словом на деятельность органов и систем организма человека: изменить течение и скорость самых различных реакций, участить или замедлить сердечный ритм, изменить величину артериального давления, вызвать мигание век, выступление пота от якобы ощущаемого тепла или дрожание рук и поеживание от якобы внезапно наступившего похолодания и т. п.

Особенно могучее влияние приобретает слово, когда оно действует на организм человека, находящегося в гипнозе. Это происходит прежде всего потому, что в гипнозе все другие раздражения, кроме слов гипнотизера, благодаря так называемому раппорту не осознаются гипнотизируемым. Вследствие этого слова гипнотизирующего приобретают особенно большую, неодолимую силу воздействия. Например, загипнотизированному, помещенному под экран рентгеновского аппарата, внушают, что он в данный момент ест противную пищу, вызывающую тошноту. Чаще всего это производится в лечебных целях с лицами, страдающими хроническим алкоголизмом: гипнотизирующий внушает им ощущения водки во рту и тошноту на ее специфический неприятный вкус и запах, и на экране рентгеновского аппарата ясно видно, как не получивший никакого пищевого раздражения желудок в ответ только на словесное воздействие, влияющее на него через кору головного мозга, совершает характерные рвотные движения.

Обычно различают три степени глубины гипноза: сонливость, гипотаксию и сомнамбулизм.

При сонливости наблюдаются легкая дремота и общее расслабление мышц. При гипотаксии, характеризующейся угнетением произвольных движений, часто имеет место так называемая восковидная гибкость — каталепсия, т. е. такое состояние, при котором рука, нога или голова загипнотизированного могут долго сохранять приданное им искусственное положение. В каталептическом состоянии возможно внушение повышенного мышечного тонуса. В этом случае все тело загипнотизированного приобретает как бы одеревенелость, что позволяет вызывать эффект так называемого каталептического моста. Застывшие фигуры молящихся, нередко часами сохраняющих одну и ту же позу, являют собой пример каталептического состояния, возникшего при сосредоточении их внимания на содержании произносимых молитв.

Сомнамбулизм (что дословно означает «снохождение») — это стадия наиболее глубокого гипноза, во время которой загипнотизированному можно внушить различные зрительные, слуховые и обонятельные образы, так называемые галлюцинации (мнимые восприятия): больные видят внушенные предметы, слышат звуки, ощущают различные запахи и т. д. На словесный приказ гипнотизирующего они могут вставать, ходить по комнате, выполнять те или иные задания.

Проводились специальные исследования, которые показали, что в этой стадии гипноза путем словесного внушения можно изменить поведение загипнотизированного соответственно внушаемому возрасту. Так, например, человеку средних лет внушали поочередно то, что он двух-трехлетний ребенок, то, наоборот, что он глубокий старик. Соответственно в первом случае он начинал ходить по комнате маленькими детскими шажками, на задаваемые вопросы отвечал детским лепетом с характерной артикуляцией: «лубаска» вместо «рубашка», «атобус» вместо «автобус» и т. д. Во втором случае его походка начинала напоминать старческую, спина сгибалась и т. д. Некоторых глубоко загипнотизированных одним указанием на то, что они в данный момент находятся в привычной рабочей обстановке и заняты повседневным трудом, удается заставить совершать характерные для их профессии рабочие движения: машинистки начинают «печатать», столяры — «строгать».

Человеку, погруженному в гипноз, можно внушить, что он ест ананас, дав ему горькую редьку, и он послушно будет откусывать кусок за куском, восхищаясь нежным вкусом этого «тропического плода». А если сделать в этот момент лабораторный анализ его крови, то окажется, что процент содержащегося в ней сахара повысился, т. е. картина будет точно такой, какой бывает она у человека только что съевшего какой-нибудь сладкий, сахаристый продукт.

Точно таким же способом — словесным внушением — можно заставить загипнотизированного «увидеть» на гладкой стене летний морской пейзаж, «ощутить» жар солнечных лучей. Лоб его покроется капельками пота, лицо покраснеет, и он станет красочно описывать открывающийся ему вид пенящихся волн и запах соленого ветра. Но только врач скажет — «похолодало, холодно», и изнывающий до этого от «жары» загипнотизированный начнет ежиться, и на руках его выступит «гусиная кожа», зубы застучат.

Подобные примеры бесчисленны, ведь в глубоком гипнозе человеку можно внушить любые жизненные и выдуманные, сказочные образы, многие поступки и мысли, а также вызвать изменения в работе почти всех органов его тела. Итак, образно говоря, в плотной завесе, отгораживающей человека в глубоком гипнозе от внешнего мира, имеется все-таки отверстие. Оно невелико, через него может проникнуть лишь один раздражитель, одно определенное воздействие — голос гипнотизирующего, но зато о произнесенных им словах не скажешь, что они тратятся впустую. Нет, они действ-

вуют так сильно, ярко, неодолимо, что затмевают все другие раздражители реального мира.

Как мы видим, сомнамбулизм, будучи стадией наиболее глубокого гипноза, представляет собой особенно благоприятную почву для реализации внушения, когда слово гипнотизирующего становится способным вызвать самые удивительные изменения в поведении и ощущениях загипнотизированного, самые глубочайшие сдвиги в деятельности всего организма и отдельных его органов.

Современная физиология располагает средствами исследования и приборами, позволяющими объективно зарегистрировать эти сдвиги, т. е. получить о них точные и бесспорные данные, не ограничиваясь теми сведениями, которые сообщает загипнотизированный в ответ на вопрос о том, что он чувствовал в момент внушения.

Для того чтобы понять, почему так сильно действует внушение именно в гипнозе, почему оно повышается при воздействии на человека факторов, вызывающих в его мозгу распространение процесса торможения, надо хотя бы вкратце упомянуть еще об одном виде взаимодействия основных нервных процессов в мозгу. Опытами сотрудников И. П. Павлова установлено, что сосредоточенный в каком-либо месте коры больших полушарий мозга процесс возбуждения вызывает вокруг себя торможение. И, наоборот, сконцентрированное в данном пункте торможения вызывает возбуждение в своей округе, в ближайших к нему участках нервных клеток коры.

Что же происходит во время внушения и самовнушения?

Сильное воздействие слова или волнующее, действующее на воображение впечатление вызывает в мозгу человека возбуждение. Сосредоточенное в определенном комплексе клеток коры, оно развивает вокруг себя, в окружающих нервных клетках тормозной процесс. Обычно при сильной коре нервный процесс далеко не распространяется, но если нервная система человека чем-либо ослаблена, клетки мозга становятся повышенно тормозимыми, и торможение, возникшее в одних из них, широко и неудержимо разливается по коре, отрывая созвездие возбужденных клеток от остальной их массы, лишая их необходимой связи с корой как единым целым. А эти связи как раз и обеспечивают то, что мы называем контролем разума, целостной работой сознания. Ведь обычная психическая деятельность осуществляется корой как единым целым, всем имеющимся в ней громадным комплексом временных связей, ассоциаций,

представлений и т. п. Внушенное самому себе или кем-то другим извне представление, будучи в момент внушения оторвано от всех этих связей, лишается контроля, приобретает господствующее, неодолимое влияние на психику человека, на поведение и деятельность его организма.

Вот почему восприимчивость к внушению особенно сильно возрастает в гипнозе. Самой характерной чертой этого состояния является то, что в нем на фоне огромной массы заторможенных корковых клеток остается лишь один очаг бодрствования, а воспринимаемое им внушающее воздействие остается изолированным, единственным и потому особенно неодолимым.

Отсюда понятна также та повышенная впечатлительность к внешним словесным воздействиям и к собственным мыслям и переживаниям, которая свойственна людям с ослабленной нервной системой, и в частности больным истерией.

Повышенная внушаемость больных истерией приводит к тому, что иногда даже незначительные неприятные ощущения в каком-либо внутреннем органе или чувство слабости в руках, ногах могут навести больного на мысль, что у него развивается какое-то очень серьезное заболевание: отнимаются ноги, он слепнет, глухнет, теряет возможность говорить. Под влиянием такого самовнушения нарушается центральное нервное управление работой тех или иных органов, отчего могут действительно появиться признаки болезни. Так нередко и развиваются истерические параличи, припадки, немота, глухота, нервные расстройства деятельности внутренних органов. Как ни различны по внешней форме все эти недуги, причина у них общая — временное нарушение нервных процессов в высших отделах мозга, а не поражение целостности того или иного органа или части тела. Поэтому их и называют психогенными (от греческих слов «психе» — душа и «генезис» — происхождение). Психогенная истерическая слепота вызывается не тем, что повреждено глазное дно или нарушен зрительный нерв, а угнетением тех отделов мозга, от которых зависит восприятие зрительных ощущений. Вот несколько относящихся сюда примеров:

Мы наблюдали больную П., 28 лет, у которой вследствие домашних неприятностей внезапно возникли слабость и дрожь в ногах. В скором времени это привело к тому, что она совершенно не могла ходить и вынуждена была лежать в постели. Настроение было очень подавленное, тоскливое.

П. часто и подолгу плакала, считая себя неизлечимой больной. У нее развился паралич ног. Круг ее жизненных интересов был замкнут болезненными переживаниями. Так как болезненное состояние затягивалось, больная потеряла веру во врачей и лекарства. В таком состоянии она была помещена в нервно-психиатрическую больницу. Установление истерической природы заболевания побудило прибегнуть к лечению внушением в гипнотическом сне. Больная оказалась хорошо внушаемой. В первом же сеансе у нее было вызвано глубокое гипнотическое состояние, во время которого ей внушали, что она теперь скоро поправится, сможет ходить, что в ее состоянии нет ничего неизлечимого и тяжелого. После первого же сеанса гипнотерапии наступило заметное улучшение. Больная предприняла попытку встать с постели, держась за спинку кровати. Последующие сеансы полностью устранили болезненное состояние. П. выписалась в хорошем состоянии, свободно ходила без посторонней помощи, стала работоспособной, активной, жизнерадостной.

А вот другой пример. У больной М., молодой девушки, в результате неприятностей по работе и связанных с ними волнений образовался стойкий левосторонний поворот головы, так называемая истерическая кривошея. Это состояние очень мешало ей, значительно снижало ее работоспособность, приводило к подавленному настроению и потере интереса к жизни. Десять сеансов лечебного внушения в гипнозе полностью сняли это болезненное нарушение.

Вот еще несколько примеров из лечебной практики, иллюстрирующих терапевтические возможности внушения в гипнозе при различных нервных расстройствах функционального характера.

Больная К., 19 лет, обратилась к нам с жалобой на то, что у нее после испуга, вызванного угрозой аварии, внезапно пропал голос. В течение нескольких месяцев она не могла произнести ни слова. Всякие попытки лечения у врачей — специалистов по болезням уха, горла и носа были безрезультатными. После восьми сеансов лечебного внушения в гипнозе наступило заметное улучшение. Больная в гипнотическом состоянии могла повторять отдельные слова, произносимые врачом. После 12 сеансов гипноза было достигнуто полное возвращение голоса.

Больная Б., 23 лет, обратилась с жалобой на то, что, испугавшись внезапной вспышки яркого света в темноте, она стала плохо видеть, натывается на предметы. «Все как будто в тумане. Между окружающим и моими глазами тол-

стая пелена», жаловалась она. Ранее Б. слышала от одной знакомой, что можно ослепнуть, если в темноте внезапно увидеть яркий свет, и считает, что именно это и случилось с ней. Боятся окончательно потерять зрение. Обращалась к врачам-окулистам, которые диагностировали у нее понижение зрения истерического характера и рекомендовали лечиться гипнозом. По характеру Б. неуравновешенная, обидчивая, раздражительная, часто конфликтует с соседями по квартире. Конфликты переходят в скандалы, сопровождающиеся криком, плачем. Иногда после таких ссор случались припадки с судорогами и приступами удушья. После четырех сеансов лечебного внушения в глубоком гипнозе нарушения зрения исчезли. Б. внушали общее успокоение, необоснованность опасений потерять зрение, внушали, что она хорошо видит.

Нетрудно заметить, что приведенные нами примеры по характеру тех нарушений, которые при них отмечаются, подобны болезненным состояниям, избавление от которых и приносило славу «чудесных деяний» в описанных выше «чудесных исцелениях». Разве не напоминают они факты, приносившие успех колдунам и шаманам и создавшие славу Лурду? Однако весьма существенная разница состоит в том, что при врачебной работе, опирающейся на научное понимание природы болезненного состояния и путей его устранения, не бывает тех, зачастую значительно более тяжелых, чем само заболевание, осложнений, которые возникают как следствие неграмотных, невежественных приемов знахарей и «целителей волею божьей». Многие века болезненные проявления истерии составляли загадку для людей. Они были самым кладом для религиозных домыслов и мистических суеверий об «одержимости бесом», о «порче», «сглазе» и «божьей каре». Камнем преткновения они были и для медицины, долго не знавшей их подлинных причин и глубинных механизмов. Теперь их происхождение вполне разъяснено...

Психогенные расстройства возникают также под влиянием нервных потрясений и переживаний: страха перед внезапно возникшей опасностью для жизни, глубокого горя от потери близкого человека, жизненных катастроф. И от этих причин может возникнуть болезненный сдвиг в работе какого-то участка мозга, а вместе с тем и нарушится нормальное управление деятельностью того или иного внутреннего органа. Результат — расстройство его деятельности. Нередко такие больные страдают не меньше, чем больные с органи-

5K 67

ческими заболеваниями. Их страдания могут тянуться годами без всякого улучшения. Но не поддаваясь зачастую никаким лекарственным средствам, психогенные заболевания могут быть излечены воздействиями на психику. Психогенное угнетение деятельности того или иного участка мозга может быть смыто сильным, противоположно направленным нервным процессом, возникающим под влиянием радостных и даже неприятных воздействий. И те, и другие оказывают благотворное действие, если им удастся заставить повернуть по новому руслу мысли больного. Точно так же могут действовать на психику больного внушение и самовнушение — те самые факторы, которые нередко бывают повинны в возникновении многих тяжелых и длительно не поддающихся лечению психогенных заболеваний. Они же, соответствующим образом направленные, могут сыграть роль и целебных факторов.

Гипноз, внушение и самовнушение и составляют естественную физиологическую основу тех фактов поразительных исцелений, которые иногда происходили и происходят в обстановке ожидания чудес.

Пестра и разнообразна эта обстановка: там пышна и великолепно, здесь мрачна и торжественна, а где-то подчеркнуто скромна и проста. Но в любом случае она полна мистики и таинственности, умышленно создаваемой декоративности. За всеми ее ухищрениями скрыто стремление оказать как можно более сильное воздействие на психику человека, поразить его чувства и воображение, внушить ему слепую и безоглядную веру в возможность «чудесного исцеления» с помощью сверхъестественных, потусторонних сил.

Гипнотизирующее и внушающее воздействие на психику больных могут оказывать то грозные, то певчатые заклинания шаманов, колдунов и знахарей, и благостно-торжественные молебны о здравии, звучащие в храмах, и до мелочей продуманная система подготовки паломников к посещению Лурдского грота, и горячие молитвы об исцелении у «чудотворных» икон и мощей. К действию гипноза и внушения в этих случаях прибавляет свое мощное влияние и самовнушение — страстная вера больного в «чудо», напряженное ожидание, что всемогущее таинственное средство поможет — вернет здоровье и силы. Совместное влияние всех этих факторов может оказать в некоторых случаях благотворное воздействие на больных, страдающих от психогенных расстройств.

Но отдельные редкие случаи исцелений в обстановке ожидания «чудес» тонут в той массе нервных расстройств, которые постоянно порождаются атмосферой мистики и религиозной экзальтации. Эта атмосфера губительно действует на нервную систему даже здоровых людей, не говоря уже о людях с неустойчивой психикой. Ослабляя волю и дурманя разум, она способствует развитию тяжелых неврозов, а подчас и настоящих психических заболеваний.

Гипноз, внушение и самовнушение — мощные средства лечебного воздействия на психику человека, но пользу они приносят только при осознанном и правильном применении. Такое применение доступно лишь людям, вооруженным точным знанием причин заболеваний и способов борьбы с ними, людям медицинской науки — врачам. Всякое же кустарное, невежественное использование техники гипнотического воздействия и великой силы слова неизменно обращается не на пользу, а на вред здоровью людей. И в итоге вместо облегчения страдания наблюдается его усиление, вместо исцеления — закрепление старой болезни, а то и возникновение новой.

Но это не единственный ущерб, который наносит здоровью людей вера в «чудо исцеления». Не менее опасным ее последствием является то, что, тщетно надеясь на сверхъестественную помощь, больные тянут время, запускают свою болезнь и часто обращаются к врачу, когда возможность излечения безвозвратно упущена. Места религиозного поклонения нередко приносят вред здоровью людей еще и потому, что вследствие большого скопления разных больных при отсутствии здесь какого бы то ни было внимания к правилам гигиенической предосторожности эти места нередко становятся источниками распространения инфекции.

Внушение, самовнушение и гипноз, окруженные прежде мистическим ореолом непостижимых тайн, ныне стали одним из могучих методов лечебного воздействия на психику больного, методом психотерапии. То, что прежде встречалось как диво, как редкий, неожиданный случай, о чем славали легенды, передавая из уст в уста всячески приукрашенную молву, отныне стало обычным способом борьбы с болезнью, способом, все шире и многостороннее использующимся в практике современной медицины.

Успешное применение метода словесного внушения в медицине строится на основе строго индивидуального подхода к больному, точного выяснения сущности его заболевания, определения степени его внушаемости, хорошего

знания основ психотерапии и владения ее методами. При этом лечении широкое применение находит и внушение наяву, т. е. когда больной находится в состоянии бодрствования, и внушение в гипнозе, когда у больного предварительно вызывают гипнотический сон.

Внушение в гипнозе применяется в первую очередь для лечения различных неврозов, и прежде всего истерических реакций, часто проявляющихся во внезапной потере голоса, слуха, зрения, особых функциональных параличах, приводящих к затруднению в ходьбе и при глотании. В ряде случаев внушением удачно лечат заболевания нервной системы, возникшие в результате нервного потрясения, сильного волнения и испуга.

Общепризнана эффективность психотерапии, в частности гипнотерапии, в лечении наркоманий, среди которых наиболее распространенными являются алкоголизм и курение. Нередко лечение гипнозом при хроническом алкоголизме осуществляют по методике коллективной гипнотерапии, предложенной В. М. Бехтеревым. В гипнотическое состояние погружают одновременно 10—15 человек и более. Врач проводит такое же внушение, как и при работе с одним больным.

Вот пример лечения хронического алкоголика гипнозом из нашей врачебной практики.

Больной К., 52 лет, жаловался на непреодолимое влечение к вину. Пил всю жизнь, особенно последние годы. Тяга к вину носила запойный характер. В период запоев очень мало ел, выпивал в день по 1 л и более водки. В 1946 г. перенес белую горячку, в связи с чем был помещен в психиатрическую больницу. После выхода из больницы некоторое время не пил, затем опять начал пить. Больного беспокоят кошмарные сновидения, иногда в темноте он видит какие-то «страшные фигуры». Проведенная гипнотерапия при первых же сеансах достигла стадии сомнамбулизма. Больному внушали полное отвращение к водке, причем это внушение сопровождалось словами: «Вы чувствуете запах водки, вы ощущаете во рту противный вкус водки. Я даю вам водку, вам противно. Водка вызывает тошноту и рвоту. Пить больше не будете». Во время этого внушения лицо больного выражало отвращение. Он краснел, покрывался потом, начинались рвотные движения, сопровождавшиеся кашлем, обильным выделением слюны. По окончании сеансов больной заявлял о непереносимо отвратительном запахе водки, который вызывает у него рвоту. Больному было проведено

30 сеансов гипнотерапии. К концу лечения он при одном разговоре о водке испытывал тошноту, которая заканчивалась рвотой.

Использование внушения в гипнозе не ограничивается только перечисленными заболеваниями. Хорошие результаты дает гипнотерапия при лечении некоторых больных, страдающих различными кожными зудами нервного происхождения (так называемыми нейродермитами), а также рядом других заболеваний кожи.

Широко известно применение психопрофилактических и психотерапевтических мероприятий для обезболивания родов, ликвидации неукротимых рвот у беременных и т. д. Советскими учеными установлено также, что лечебное внушение может оказывать существенную помощь как вспомогательный метод облегчения разнообразных болезней (в частности, уничтожение тяжелых болезненных ощущений). Это последнее способствует более эффективному действию основных лечебных мероприятий.

Раскрытием природы гипноза и внушения павловская физиология позволила перевести лечебное внушение в гипнозе на подлинно научные рельсы и превратить его в мощное оружие в руках врача, которым он может побеждать многие болезни.

РОЖНОВ ВЛАДИМИР ЕВГЕНЬЕВИЧ,
РОЖНОВА МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА

Правда о «чудесных» исцелениях

Редактор *К. В. Боцманов*

Техн. редактор *И. С. Ким*. Корректор *Т. В. Мальшева*. Художественный редактор *Н. А. Гурова*. Оформление художника *Б. Кыштымова*

Сдано в набор 29/IX 1967 г. Подписано к печати 12/I 1968 г. Формат бумаги 84×108¹/₃₂—1,50 печ. л. (условных 2,52 л.) 2,64 уч.-изд. л. Бум. тип. № 2. Тираж 100 000 экз. Т-03301 МН—87.

Издательство «Медицина». Москва, Петровверигский пер., 6/8
Заказ 581. Цена 8 коп.

Ярославский полиграфкомбинат Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР, Ярославль, ул. Свободы, 97.

Уважаемые читатели!

В ближайшее время издательство «Медицина» выпустит в свет несколько научно-популярных брошюр по различным вопросам:

Исаева И. И. О наследственности (хромосомы и хромосомные болезни), 4 л., 50 000 экз., ц. 14 коп.

Руденко Е. И., Таубе П. Р. Искусственные органы человека, 5 л., 50 000 экз., ц. 18 коп.

Медведь Л. И. Гигиена труда при работе с ядохимикатами. Изд. 2-е, 3 л., 50 000 экз., ц. 11 коп.

Скрипкин Ю. К., Ханонова О. Е. Предупреждение венерических болезней. 3 л., 50 000 экз., ц. 11 коп.

Воротынцева Н. В. Желудочно-кишечные заболевания у детей. 3 л., 100 000 экз., ц. 11 коп.

Гром Г. И. Сахарный диабет у детей. Изд. 2-е, 3 л., 50 000 экз., ц. 11 коп.

Приобрести эти книги можно во всех магазинах, распространяющих медицинскую литературу.

Издательство «Медицина» литературу не распространяет.

8 коп.

медицина • 1968